

Звезда Рунета

Стейс Крамер

**МЫ С ИСТЕКШИМ
СРОКОМ ГОДНОСТИ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821,161,1-31
ББК 84(2рос=Рус)6-44
К77

Крамер, Стейс.

К77 Мы с истекшим сроком годности / Стейс Крамер. —
Москва: Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Звезда Рунета).
ISBN 978-5-17-092011-2

Джине 17 лет, и у нее все прекрасно — любящая семья, младшая сестренка, симпатичный парень, школу она заканчивает как одна из лучших учениц и готовится поступить в престижный Йельский университет. Но на выпускном случается трагедия, которая перевернет ее жизнь, и подарит шанс начать все заново...

Авария, инвалидное кресло, реабилитационный центр. Кажется, что черная полоса никогда не закончится, но, возможно, именно все эти события позволили Джине найти себя, верных друзей и истинную любовь?

УДК 821,161,1-31
ББК 84(2рос=Рус)6-44

Литературно-художественное издание

18+

Звезда Рунета

Стейс Крамер

МЫ С ИСТЕКШИМ СРОКОМ ГОДНОСТИ

Ведущий редактор К. Секачева
Корректор И. Мокина
Технический редактор Т. Тимошина
Дизайн обложки Е. Климова
Верстка А. Грених

Подписано в печать 13.07.2016.
Формат 84х108/32. Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 50 000 экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
129085, РФ, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21,
строение 3, комната 5

© Стейс Крамер, текст
© ООО «Издательство АСТ»

Александре, Ирине и Валентине

Трем
моим
любимым
женщинам

Только великая боль приводит дух к последней свободе: только она помогает нам достигнуть последних глубин нашего существа, – и тот, для кого она была почти смертельна, с гордостью может сказать о себе: я знаю о жизни больше...

Фридрих Ницше.

Я очнулась, когда лучи полуденного солнца коснулись краешка моей больничной койки. Переждав минутное помутнение сознания, я стараюсь оторвать от подушки голову, которая, кажется, стала в несколько раз тяжелее. В палате так тихо, что я слышу каждый удар моего сердца. Пытаюсь вспомнить, почему я нахожусь здесь, но это оказывается не такой уж и легкой задачей. Небольшие клочки воспоминаний всплывают у меня в сознании, и за каждое из них я пытаюсь ухватиться. И вот когда мой взор падает на мою руку, которую стягивает повязка из бинта, все воспоминания складываются в единый пазл и дают, наконец, долгожданный ответ.

Я пыталась покончить с собой.

4

Я так долго ждала тот вечер. Еще учась в младшей школе, я представляла, в каком платье буду на выпускном, с какими украшениями и прической. И вот когда я уже была одета в то самое платье, о котором мечтала, и держала в руках измятый листок с торжественной речью, которую должна была прочесть перед остальными выпускниками и учителями, я улыбалась и поражалась тому, как быстро летит время.

Я даже представить не могла, что тот самый долгожданный вечер в одночасье заставит рухнуть весь мой привычный мир.

Если бы вы меня случайно встретили на улице, то я бы вам не запомнилась. Я обычная, с обычной фигурой, с обычными черными волосами, которые вкупе с бледной кожей придают мне вид вампира или же смертельно больной девушки. Абсолютно ничем не примечательная личность со своими недостатками и горсткой достоинств.

Но в тот вечер я была сама на себя не похожа.

Я выглядела совсем взрослой. Даже выражение лица изменилось. Оно теперь было такое сосредоточенное, серьезное. И это платье, сшитое на заказ, так дополняло меня. Черное, усыпанное микроскопическими блестками. Роскошный, объемный подол прятал мои ноги.

Ровно три часа и пятнадцать минут мама кружила надо мной с расческой и лаком для волос. Это стоило того. Она превратила мои безжизненные волосы в прекрасные локоны. Мама в прошлом стилист, поэтому ей под силу превратить такую неряшливую девицу, как я, в настоящую принцессу.

Нина, моя младшая сестра, все это время сидела напротив меня и следила за действиями мамы.

Нине всего шесть, она до беспамятства влюблена в балет, не пропускает ни одного занятия в своей балетной школе, и все стены ее комнаты облеплены фотографиями известных балерин, на которых она старается равняться.

5

– Я хочу быть такой же, как Вирджиния, – вопила Нина.

– Почему? – спросила я.

– Потому что ты красивая, умная и еще твой парень похож на Зака Эфрона.

Я начала смеяться.

– Кстати, а этот твой Скотт где собирается учиться? – спросила мама.

– Он еще не решил. Но все равно переедет в Коннектикут, чтобы быть со мною рядом.

– Как мило, – язвительно сказала мама.

Я встречалась со Скоттом два года, и все самые прекрасные моменты моей жизни были связаны именно с этим периодом. До него у меня не было ни с кем отношений, поскольку у меня всегда в приоритете была учеба и только учеба. Со Скоттом мы учились в одной школе, но никогда не общались и очень редко встречались и лишь на вечеринке по случаю дня рождения моей подруги Лив мы и познакомились. Хотя «познакомились» громко сказано. Он и Лив

тащили мое пьяное тело до дома. Признаться, это был первый случай в моей жизни, когда я напилась до такой степени, что мое сознание вырубилось на несколько часов. На следующее утро Скотт пришел меня навестить, и лишь тогда я смогла его хорошо разглядеть. Коротко подстриженные светло-русые волосы были вздернуты вверх, и он мне напоминал ежика. Верхняя губа тонкая, нижняя пухлая. Глаза цвета хмурого неба. Темные, прекрасные. Я никогда не считала себя настолько красивой, чтобы нравиться мальчикам, поэтому была очень удивлена, когда он обратил на меня внимание. У него своеобразное чувство юмора. Вспыльчивый характер, но меня это даже привлекало в нем.

Наше общение со Скоттом вызвало резкие изменения в моих отношениях с мамой. Она, наверное, с самого моего рождения мечтала, чтобы я поступила в Йельский университет и посвятила свою жизнь науке. И, как полагается, мама посчитала Скотта прямой угрозой ее планам. Нередко у нас случались настоящие семейные скандалы, когда я собиралась на свидание. Лишь папа был на моей стороне, всегда говорил маме, что я уже взрослая и вполне могу принимать самостоятельные решения. И даже в тот роковой выпускной вечер он дал нам со Скоттом в распоряжение свой новый кабриолет, поскольку машина Скотта была в ремонте.

– Пап, ты серьезно?

– Да, сегодня я слишком добрый.

– Спасибо. – Я кинулась в папины объятия. – Я тебя обожаю.

– Держи. – Папа дал мне ключи от своего нового кабриолета. – Надеюсь, с ней все будет в порядке?

– Конечно.

– Скотт, а вы хорошо водите машину? – спросила мама. От ее холодного тона у меня мурашки побежали по спине.

– Эмм... разумеется.

– Ты только ничего не подумай, просто мы доверяем тебе нашу дочь.

– С ней все будет в порядке, миссис Абрамс.

Я чувствовала, что Скотт начал нервничать. Он так крепко сжал мою кисть, что я чуть не взвизгнула.

– Ну, я думаю, нам пора идти, – сказала я.

– Удачи.

– Хорошо повеселитесь там, – промолвил папа.

Мне давно следовало понять, что наши отношения со Скоттом уже не те, что были раньше. Мы реже виделись, созванивались. Скотт стал скрытным, скупым на откровения. Но меня тогда это нисколько не настораживало, мне казалось, что все происходящее объясняется стрессом из-за экзаменов.

Начиналась торжественная часть. В центр сцены вышел наш директор Кларк Смит и начал говорить свою наизусть выученную речь. Он шепелявил, и из-за этого половина того, что Кларк говорил, было непонятно. В конце своего выступления директор «натянул» на лицо улыбку и ушел. Далее на сцене появилась миссис Верховски, заместитель директора. На экране, позади нее, отображались фотографии лучших учеников школы. Среди них я нашла и свою. Верховски начала рассказывать про то, каким был этот год. Я, как и все присутствующие, еле-еле удерживалась не заснуть. Но оказалось, что на этом «веселое» мероприятие не заканчивалось. На сцену то и дело выходили какие-то важные люди с записанными на бумаге поздравлениями, затем каждый из них рассказывал про то, как он учился в школе. Мои веки перестали меня слушаться, я чувствовала, что вот-вот засну на плече у Скотта, но тут со сцены донеслось мое имя.

– А сейчас мы предоставляем слово одной из наших лучших учениц Вирджинии Абрамс.

Я встала под шум аплодисментов. Как же мне было страшно. Выступать на публике – это не мое. Я уже заранее знаю, что обязательно запнусь где-нибудь или еще хуже, упаду, подымаясь на сцену, ведь ноги предательски подкашиваются из-за дрожи. Когда я оказалась на сцене, я начала искать глазами Лив или Скотта. Все внимательно уставились на меня, я трясущимися руками взяла микрофон и заставила себя говорить отрепетированную речь.

– Всем привет, я... хочу поздравить всех нас с окончанием школы. Мы все долго ждали этого дня, и наконец-то он настал. Хочу поблагодарить учителей, которые столько лет терпели нас. Теперь у всех нас начинается новый этап в жизни. Когда мы учились в школе, у нас было две заботы. Первая – как незаметно списать контрольную. – Все начали смеяться, мне это вмиг придало уверенности. – И вторая – как незаметно улизнуть с урока физкультуры. А теперь начинаются новые проблемы, новые заботы, и они намного серьезнее тех, к которым мы все привыкли. Я желаю всем нам справиться со всеми трудностями, с которыми нам предстоит столкнуться. – После секундной паузы я продолжила: – Я люблю тебя, школа, и я буду очень сильно по тебе скучать. Спасибо.

Все вновь начали аплодировать мне.

Через двадцать минут после моего выступления торжественная часть заканчивается. В холле снова скопилась толпа, все обнимаются, целуют друг друга в щеки, фотографируют учителей на память.

8

– Вирджиния, можно тебя на секунду? – слышу я голос миссис Верховски.

– Мы будем ждать тебя в машине, – сказала Лив.

Я подошла к Верховски.

– Прекрасная речь.

– Спасибо.

– Я слышала, ты поступаешь в Йельский?

– Да.

– Хотя я уверена, что у тебя все получится, но я все равно хочу пожелать тебе удачи. У тебя большое будущее.

В это мгновение меня окатило жаром, до такой степени мне были приятны ее слова.

– Еще раз спасибо. – Мы обнимаем друг друга.

Все выпускники, включая меня, Лив и Скотта, направились на вечеринку братьев-близнецов Пола и Шона. Это знаменитые на всю Миннесоту тусовщики, в доме которых проходят самые шумные вечеринки штата.

Хотя нет, это не дом, это настоящий дворец. Три этажа, два корпуса. Сам дом выполнен в строгом классическом стиле, но разноцветные подсветки, напичканные практически у каждого окна, делают его не таким уж и аскетичным. Также у них имеется бассейн, который привлек мое внимание сразу, как только я перешагнула за границу ворот. Он огромный! Голубая вода смешивается с белоснежной пеной. Поблизости от бассейна находится бар, со стоящими на полках блестящими бутылками спиртного.

Я смутно помню детали того, что происходило на вечеринке в тот роковой день. Также трудно будет вспомнить то количество алкоголя, что я употребила. Мне хотелось последний раз насладиться тем сладким периодом, когда ты уже не учишься в школе, но еще и не являешься студентом. Помню, что Лив раздобыла где-то пару косячков, от которых я не смогла отказаться. Еще помню, как мы с моей подругой в компании нескольких таких же пьяных выпускников одновременно прыгнули в тот самый бассейн. Я была уже в таком состоянии, что мне было плевать на платье моей мечты, прическу и макияж. И это, наверное, самое яркое воспоминание за тот вечер.

Помню, как мы с Лив лежали на траве в мокрых платьях, смотрели на ночное небо, смеялись и разговаривали о чем-то. Я уже и не помню о чем именно, возможно, о нашем будущем, о том, что скоро мы вовсе перестанем видеться из-за того, что будем находиться в разных штатах. Лив хотела уехать в Чикаго и пройти кастинг в одну из лучших танцевальных трупп в Америке. Она с самого детства занимается танцами, и я осмелюсь предположить, что Лив – одна из лучших танцовщиц Миннеаполиса.

Дальше я не помню, куда зашел наш разговор, но в моей памяти осталось одно четкое воспоминание: я поняла, что за весь вечер видела Скотта только два или три раза, и отправилась на его поиски.

– Эй, ты не видел Скотта? – спросила я одного из выпускников.

– По-моему, он в доме.

– Спасибо.

По пути к дому я столкнулась с четырьмя такими же пьяными людьми, как я. Не знаю, как у всех остались силы, чтобы продолжать танцевать и пить. Мне удастся среди огромного скопления людей найти одного из друзей Скотта.

– Люк, ты не видел Скотта?

– Нет.

Я отошла подальше от толпы, достала из сумки телефон и начала звонить Скотту, но первая, вторая и третья попытка дозвониться ему оказались безуспешными.

У меня начала кружиться голова. Я дошла до левого корпуса. Там было так тихо, лишь слышен за дверями смех уединившихся парочек. Снова звоню Скотту.

– Ну давай же, бери трубку!

Я шла по длинному коридору, не переставая держать телефон у уха. Резко остановилась. Мне показалось, что я слышу рингтон телефона Скотта. Прошла еще пару метров. Я подходила к каждой двери и прислушивалась, а спустя несколько минут остановилась напротив очередной двери. Там звук рингтона был отчетливо слышен. Я открыла дверь. В комнате темно. Включила свет, заметила лежащий на комодe телефон Скотта.

– Скотт? – тихо спросила я.

Смех. Я слышала смех. Он доносился из ванной комнаты. Я осторожно подкралась к двери и открыла ее. И в тот момент мне бы очень хотелось, чтобы меня кто-нибудь ударил по голове, чтобы память покинула меня навсегда. Я не знаю, как описать то, что чувствовала тогда. Эта боль сопоставима с той болью, которая появляется, если упасть в яму, до краев наполненную битым стеклом.

Я видела стоящего спиной Скотта со спущенными штанами, а его руки обнимали какую-то девушку. У меня перехватило дыхание. Тело просто отказывалось мне подчиняться, я стояла как вкопанная и не могла ничего сказать.

Вскоре парочка меня заметила. При виде испуганного взгляда Скотта мне стало мерзко. К горлу подкатывала

кислота. Я сделала несколько шагов назад, не переставая смотреть на него, затем развернулась и вышла из комнаты.

— Джина!

«Не верю. Нет. Это неправда. Я пьяна, я под кайфом, мне это снится, это все не по-настоящему», — пронеслось у меня в голове. Я оперлась о стену и медленно скатилась вниз. Мне хотелось сорваться с места и бежать, но мое тело не слушалось меня, я лишь сидела, находясь в ступоре. Скотт и девушка вышли из комнаты.

— Ну что ты молчишь? Сам ей расскажешь или как?

— Уходи.

— Как скажешь. Только не забудь захватить мои трусики.

— Джина... — Ну давай, скажи, что это ошибка, скажи, что ты любишь меня, давай. — Я давно хотел с тобой порвать.

— Что?

— Ее зовут Памела. Мы с ней уже несколько месяцев встречаемся, я хотел тебе об этом сказать, но... но я не хотел выглядеть ублюдком! Ты мне нравишься, ты правда мне нравишься, но ты, твои родители и я — это два разных мира. Найди себе умного, богатого, того, кого хотят видеть рядом с тобой твои родители. Я так больше не могу. Я устал.

11

Помню, как встаю с пола, подхожу к Скотту, смотрю в его синие глаза, из-за которых я в него по уши влюбилась смотрю на его губы, мягкость которых мне так нравилась, и которые я жаждала целовать снова и снова, но теперь на них виднеются следы блекло-розовой помады Памелы.

— Ты не ублюдок, Скотт, — сказала я, сжимая ладони в кулаки. — Ты хуже.

Я развернулась и пошла прочь.

Я не слышала музыку, фигуры людей расплывались перед глазами. Внутри меня все трепетало, казалось, что где-то там, в недрах моей души, находится бомба, которая вот-вот взорвется. Все тело трясло от ненависти и боли.

Помню, как я расталкиваю толпу, выбираюсь на улицу и бегу к парковке. Уехать. Все, что я хотела – это уехать. Хотела быстрее добраться до дома, лечь в холодную постель и уснуть. Я надеялась, что следующим утром он мне позвонит. Я была просто уверена, что он мне позвонит. Будет извиняться, говорить, как он любит меня. Оправдываться, что на вечеринке он был пьян и не понимал, что творит и что говорит. Я мало что тогда соображала, но состояние у меня было такое, будто мне сжали легкие. Я не могла дышать, и каждый стук сердца отражался болью. Я добралась до папиной машины, повернула ключ, двигатель завелся. С громким визгом кабриолет тронулся с места. Я помню шум, звенящий в ушах, который становился все громче и раздражительнее. Шоссе двоилось в глазах, машина то и дело виляла то вправо, то влево. Слезы прозрачной пеленой обволокли глаза, все расплывалось. В какой-то момент я осознаю, что начала рыдать в голос. Руки дрожали, я совершенно потеряла контроль над собой. Слезы попадали в рот, их солоно-кислый вкус был так противен мне. Затем я слышу, как из моей сумки раздается рингтон телефона. Мама. Ну, конечно, это была мама, ведь было довольно поздно, и она волновалась. Я была не в состоянии взять трубку, потому что чувствовала, что не произнесу ни одного внятного слова. Громкий звук рингтона продолжался.

– Хватит... хватит, хватит!!! – кричала я.

Я вывернула на главную дорогу, машин было огромное количество. Мое сердце от страха начало колотиться еще сильнее. А телефон все не умолкал, что вызывало во мне еще больше ярости.

—

Затем я услышала звук сирены. Оказалось, что у меня «на хвосте» две полицейские машины.

– Твою мать! – кричала я.

Видимо, я значительно превысила скорость. Ничего умного в мою голову не пришло, кроме того, как еще силь-

нее надавить на газ. Я не видела ничего перед собой, ехала, можно сказать, вслепую. Помню, как давлЮ на газ еще сильнее, скорость только вызывает выброс адреналина в кровь. Кажется, впереди меня ждал поворот, я со всей силы повернула руль влево, и тут меня ослепил яркий свет фар огромного грузовика. Мое тело оцепенело от ужаса. Помню, как водитель грузовика сигналил мне, но я, ослепленная ярким светом, чувствуя, что страх полностью взял надо мной контроль, бросила руль и закрыла глаза.

Неяркое солнце, маленькие облачка, разбросанные по синему небу. Меня окружали непонятные сиреневые цветы, достающие до колен. Я бежала, расставив руки по сторонам, касаясь кончиками пальцев влажных стеблей цветов. Я не понимала, где я нахожусь, но одно могу сказать точно, мне там нравилось. Там очень хорошо. Я бежала вперед, теплый ветер ласкал мои волосы.

13

Вспышка.

— Вирджиния, о чем ты мечтаешь?

Мама с папой сидят передо мной, смотрят на меня и улыбаются.

— О новом велосипеде, — отвечаю я.

— А еще о чем ты мечтаешь? Или о ком-то? — спрашивает мама.

— Я мечтаю о собаке... Вы что, купили мне щенка? — радостно спрашиваю я.

— Нет, детка, мама скоро подарит тебе братика или сестренку, — говорит папа.

— У меня будет младшая сестра?

Одно из самых лучших моих воспоминаний. Мне было двенадцать лет, когда мама сообщила о своей беременности. Тогда меня просто переполняло чувство ра-

дости. Я всегда завидовала тем, у кого есть младшие братья и сестры, и теперь у меня самой будет маленькое сокровище.

Вспышка.

Мама была уже на девятом месяце. Одним из моих любимых занятий было наблюдать за тем, как Нина толкалась ножками и ручками в мамином животе.

Мама сидит в кресле-качалке, я подхожу к ней.

— Мам, а она слышит нас?

— Конечно.

Я наклоняюсь к маминому животу и начинаю шептать.

— Эй, сестренка... ты еще не родилась, но я уже тебя люблю. Мы будем с тобой играть, я буду расчесывать твои волосики, а потом, когда ты подрастешь, я научу тебя краситься.

Мама смеется. Я целую ее в живот.

Вспышка.

Была зима. Я, Лив и Скотт играли в снежки. Мы бегаем, смеемся, как малые дети. Руки уже покраснели от снега и мороза. Скотт валит меня на снег и цепляется руками за мои запястья. Его ресницы покрыты инеем, отчего он выглядит очень забавным.

— Скотт, мне холодно.

Скотт наклоняется ко мне, и наши окоченевшие губы находят друг друга. Поначалу мне казалось, что я превратилась в ледышку, но после поцелуя я почувствовала, как начала медленно таять.

— А сейчас?

— Теплее...

Наши губы снова смыкаются, и теперь поцелуй длится намного дольше. Я забываю о морозе минус тридцать, о том, что моя одежда пропиталась снегом и теперь ее можно выжимать. Мне кажется, что меня положили

в ванну, наполненную горячей водой, и вмиг мне становится хорошо.

– А теперь горячо, – говорю я.

Вспышка.

На этот раз вспышка была ярче предыдущих. Я открываю глаза. Меня вновь ослепляет белый свет. Веки кажутся такими тяжелыми, я не хочу моргать, потому что боюсь снова провалиться в то неземное пространство, где я была несколько секунд назад. Проходит минут пять, перед тем, как я осознаю, что нахожусь в больнице. В теле чувствуется дискомфорт. Мышцы спины и рук ломит, во рту пересохло. Замечаю трубку капельницы, воткнутую мне в вену. Голову стягивает бинт, на лице маска аппарата искусственной вентиляции легких. Вижу, как возле меня спит мама, сидя на стуле. Состояние такое, будто я проспала вечность.

– Мама... – шепчу я, – мам, мама.

Ее веки приподнимаются, и, увидев меня в сознании, мама мигом вскакивает со стула, хватая меня за руку и начинает рассматривать.

– Господи, Господи... Вирджиния, как ты... как ты себя чувствуешь? – От волнения мама начинает запинаться. Она снимает с меня маску.

– Нормально...

– Я сейчас позову доктора.

Мама выбегает в коридор. Ощущаю какую-то тяжесть в теле. Кажется, что все мои мышцы окостенели. В некоторых местах кожу сильно стягивает, вероятно, там швы или еще что-то. О том, что со мной происходило, пока я была без сознания, я могу лишь догадываться.

В палату мама заходит в компании доктора. Его очертания расплываются перед моими глазами.

– Ну, здравствуй, Вирджиния, как самочувствие?

– Она сказала, что чувствует себя нормально, – отвечает за меня мама.